

Попов С. Г. Ректор Московской Духовной Академии протоиерей Александр Васильевич Горский: (Опыт биографического очерка) // Богословский вестник 1896. Т. 3. № 9. С. 334–356 (4-я пагин.). (Продолжение.)

**Ректоръ Московской Духовной Академіи
ПРОТОІЕРЕЙ
АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОРСКІЙ.**
(Опытъ біографическаго очерка) ¹⁾.

Въ предыдущей, исторической части своего сочиненія намъ почти вовсе не приходилось касаться внутренней стороны жизни Александра Васильевича, проявленій его собственнаго духа. Въ этой части мы останавливаемся на разнообразныхъ отношеніяхъ его къ окружающей средѣ, на жизни его у себя дома, на его взглядахъ, литературныхъ трудахъ, словомъ, на всемъ, въ чемъ выражается жизнь духа.

А. В—чъ не жилъ изолированно отъ окружающей его среды. Въ Академіи, въ числѣ лицъ профессорскаго персонала, у него были близкіе ему люди и даже друзья. — Первымъ другомъ въ самую раннюю пору службы въ Академіи у А. В—ча былъ Филаретъ, впоследствии архіепископъ Черниговскій.

Филаретъ былъ лишь однимъ курсомъ старше А. В—ча. По окончаніи курса въ Академіи, уже будучи монахомъ, онъ сначала былъ опредѣленъ при ней бакалавромъ церковной исторіи, а потомъ, въ 1833 году, назначенъ инспекторомъ; въ январѣ 1835 года былъ возведенъ въ архимандрита и въ декабрѣ опредѣленъ ректоромъ Академіи и вмѣстѣ настоятелемъ Московскаго Божоявленскаго монастыря ²⁾. Въ Академіи, когда Филаретъ (въ мѣрѣ—Дмитрій Гумилев-

¹⁾ См. В. В. Иоль.

²⁾ У С. К. Смирнова, стр. 379 и 422.

скій) сидѣлъ еще на школьной скамьѣ, онъ всегда числился лучшимъ студентомъ и по успѣхамъ, и по поведенію. Среди товарищей онъ былъ, видно, добрымъ юношей, тихимъ, скромнымъ, миролюбивымъ, всегда самоуглубленнымъ и внимательнымъ къ себѣ и къ тому же настроеннымъ на какой-то особый благочестивый ладъ. Академическое начальство то и дѣло поощряло своего молодого студента за эти добрыя качества его души; а особенно похваляло въ немъ его кротость, которую выставляло въ своихъ мѣсячныхъ запискахъ, какъ отличительное и преимущественное его свойство ¹⁾. Такимъ поступилъ онъ и на службу. Предметъ (церковная исторія) пришелся ему по душѣ, и онъ съ неослабѣвающимъ усердіемъ дни и ночи сидѣлъ надъ разработкой его. Академію любилъ пламенно, отъ всего сердца; студентовъ считалъ за родныхъ своихъ, а благо ихъ и всей Академіи—собственнымъ благомъ. Словомъ, —былъ человѣкомъ весьма симпатичнымъ и для Академіи незамѣнимымъ. Но несчастливо сложившіяся обстоятельства подъ конецъ академической службы сильно его растроили: пришлось потерпѣть разныя неудачи и огорченія, а потомъ съ нимъ приключилась какая то тяжелая хроническая болѣзнь. Все это весьма неблагоприятно повліяло на его характеръ. Всегда ровный, спокойный Филаретъ сдѣлался послѣ того нервнымъ и раздражительнымъ. Всякая мелочь теперь болѣзненно стала отзываться на его душѣ. Достаточно, бывало, дать какое-либо порученіе ему, — обзрѣть, напр., семинарію или произвести слѣдствіе въ ней, — да обстоятельствомъ и задержать его за нимъ; или и самому ему — отдать, напр., въ цензуру свою книгу, брошюру, статью, а цenzурному комитету замедлить цензурой своей: Боже мой, что творилось тогда съ бѣднымъ Филаретомъ!—Всему свѣту доставалось отъ него. Начнетъ бранить человѣчество, всю неправду его, лукавство, зависть, злобу; переберетъ всѣхъ и всё, а потомъ перейдетъ и на себя, и себѣ спуска не дастъ. И выходитъ, по нему, что онъ самъ хуже всѣхъ: и грѣшникъ-то и окаянный то, и т. д. и т. д. начнетъ

¹⁾ См. „Книгу поведенія студентовъ Моск. Дух. Академіи высшаго и низшаго отдѣленія на 1826, 1827, 1828 и 1829 годы, хран. въ арх. Академич. Правленія.

поносить себя, пока самоуничженіе не вызоветъ въ немъ другихъ чувствъ—безпредѣльной благодати и милосердія небеснаго Отца и Его неисчерпаемой, всепрощающей любви, и на нихъ не помирится съ собою и со всѣми ¹⁾. Съ такимъ человѣкомъ судьба и столкнула А. В-ча.

Знакомство съ нимъ А. В-ча завязалось чрезъ посредство Ѳ. А. Голубинскаго: онъ рекомендовалъ ему Филарета, какъ человѣка добраго и прекраснаго. Это было въ ту пору, когда оба они учились еще: А. В-чъ на младшемъ курсѣ въ Академіи, а Филаретъ на старшемъ. Вспоминая въ своемъ дневникѣ минувшіе годы и дни, А. В-чъ о Филаретѣ и знакомствѣ съ нимъ пишетъ: „неясныя и неопредѣленныя черты души его (Филарета) не сдѣлали на меня живаго впечатлѣнія, потому я скоро могъ отстать отъ него; долго придерживала къ нему мою одинокую и начинавшую уже чувствовать свою одинокость душу рекомендація моего благодѣтеля; но слабая привязь!“ Заключаемъ отсюда, что первыя отношенія А. В-ча къ Филарету были только формальныя, и знакомство съ нимъ, ради приличій, шапочное. Впослѣдствіи, когда А. В-чъ годъ прослужилъ въ семинаріи, перешель въ Академію и не мало здѣсь жилъ, они сошлись между собою, и сошлись какъ самые близкіе, неразлучные друзья. Предъ нашими глазами лежитъ начальная ихъ переписка: по ней безошибочно можно прослѣдить, какъ между ними завязывалась, постепенно росла и крѣпла ихъ дружба. Первое по времени письмо, Филарета было адресовано А. В-чу, когда онъ былъ наставникомъ въ Москвѣ. Филаретъ поручалъ ему сдѣлать какую-то выписку и описаніе нѣкоторыхъ рукописей семинарской библіотеки. „Требованія сіи, писалъ онъ, конечно не легко исполнить: но любовь облегчитъ трудъ; между тѣмъ и я не желаю быть такимъ законникомъ, который бы только отягчалъ бремена чужія; я представляю только желанія свои“ ²⁾. А. В-чъ исполнилъ просьбу. Какъ видно отсюда, — обоихъ начали сближать сначала интересы научныя. Потомъ, на этой, неустойчивой еще совѣтѣ, почвѣ между ними мало по малу начинается зарождаться болѣе прочное общеніе нравственное.

¹⁾ См. письма Филарета къ А. В-чу. Прибавл. XXXI, XXXIII, XXXVI тт.

²⁾ Письмо Филарета къ А. В-чу 1 іюня 1833 г., въ арх. Горскаго.

Филаретъ, почему-то взявшій нѣсколько покровительственный тонъ въ сношеніи съ А. В-чемъ, переноситъ свой почитательный взоръ на нравственную половину его существа и, по видимому, старается подѣйствовать на нее. Разъ, по переходѣ въ Академію и, вѣроятно, вскорѣ послѣ того, А. В-чу пришлось писать проповѣдь на день Покрова. Работа была исполнена и проповѣдь въ свое время произнесена. По этому поводу между А. В-чемъ и Филаретомъ происходитъ обмѣнъ мыслей. Филаретъ, чрезъ нѣсколько дней возвращая А. В-чу проповѣдь, пишетъ ему: „я четыре раза читалъ ее. Въ Покровъ отъ инспектора я слышалъ, что въ ней много школьнаго и вообще неаккуратныхъ выраженій. Но я этого не нашелъ при внимательномъ чтеніи. То, что съ перваго взгляда казалось послѣднимъ, исполнено твердости и мужественности, поставлено на основаніяхъ зрѣло обдуманыхъ. И всегда мужественный и солидный языкъ рѣдокъ, но преимущественно въ нашъ „пузырный“ вѣкъ, въ который всѣ дуются. Но я тебѣ скажу о проповѣди то, что я сказалъ тебѣ почти случайно, тогда какъ сказалъ ты проповѣдь. Тебѣ какъ будто стыдно было въ своей проповѣди сойти съ высоты умозрѣнія, на которую ты, отдѣляясь отъ всѣхъ, забрался, какъ будто ты боишься унизить себя, чтобъ снизить къ твоимъ слушателямъ, сочувствовать имъ, поскорбѣть съ ними объ ихъ искушеніяхъ, нуждахъ. Во всей проповѣди господствуетъ духъ умозрѣнія самаго отвлеченнаго хотя она и направлена къ жизни, духъ почти гностическій. Я не могу тебѣ указать на какія-нибудь мысли противныя духу православной церкви, но чувствую духъ чуждый. Развѣ укажу только на выраженія, которыя впрочемъ важны потому, что занимаютъ очень важное мѣсто: „представлять Бога въ своемъ сознаніи“; „уроки мудрости учатъ находить Бога въ своемъ сознаніи“. Ты самъ знаешь, что эти выраженія истекли изъ болота рационализма гностическаго, Шлейермахеровскаго, Неандеровскаго. И еще православный обратилъ бы вниманіе, разсматривая твой предметъ, и на содѣйствіе благодати и на то величіе, которое ожидаетъ въ царствѣ славы того, иже сотворитъ и научитъ. Не подумай, впрочемъ, что будто я причисляю тебя къ гностикамъ. Нѣтъ. Я знаю, что ты имѣешь основаніе чистой, православной

вѣры, но и крѣпко запустилъ въ тебя когти волкъ нѣмецкой, конечно безъ твоего вѣдома. Не произноси осужденія на мои сужденія, какъ сужденія человѣка поверхностнаго, страннаго, непонявшаго. Прочитай нѣсколько канонизмъ изъ псалтири или нѣсколько каноновъ и акаѳистовъ изъ каноника—а потомъ твою проповѣдь; ты самъ ощутишь въ ней вліяніе духа чуждаго православію. Сдѣлай милость глубже осмотри твое направленіе. Ты, самъ не зная, дѣлаешься апостоломъ духа чуждаго. Пусть будетъ мое слово для тебя побужденіемъ менѣе надѣяться на твое усиліе все божественное познать умомъ твоимъ, который, можетъ быть и тебѣ незамѣтно, стоитъ или поставилъ себя высоко, высоко, и побужденіемъ для тебя чаще исходить во внѣшнюю жизнь, ближе соединяться съ православною церковью, основательнѣе оцѣнить ея малѣйшія правила, которыми ты теперь не занимаешься, но исполненіе которыхъ составляетъ отличительный характеръ православнаго христианина, слѣдовательно — лучшаго христианина. — Пойми всю чистоту моихъ побужденій сказать тебѣ жесткое для умнаго ума слово. Господь да даруетъ тебѣ идти царскимъ путемъ, т. е. среднимъ, который есть путь нашей церкви¹⁾. Послѣдняя въ письмѣ фраза, которой говорилось о необходимости соблюденія истиннымъ христианиномъ всѣхъ правилъ и предписаній церковныхъ дала обоимъ тему для новыхъ разсужденій о духѣ христіанской религіи, о вѣчномъ спасеніи вообще и о сравнительномъ значеніи въ христіанствѣ вѣры теоретической и дѣятельной. А. В-чъ отдавалъ свое предпочтеніе первой и отстаивалъ её; Филаретъ старался разубѣдить. „Понимаю я, писалъ онъ ему въ другомъ письмѣ, — различіе жизни христіанина отъ разума христіанина. Но въ томъ глубоко увѣренъ, что тайны и духъ религіи заключены не въ одномъ знаніи догматовъ религіи; и потому опять съ увѣренностію сердца повторяю, что мысль, будто ученые знаютъ тайны религіи, а не ученые только поверхность, ведетъ къ гибели вѣчной. Глубоко я уважаю труды тѣхъ подвижниковъ просвѣщенія, которые посвятили жизнь свою на собраніе ученаго знанія вѣры; но если они въ этомъ знаніи поставляютъ всѣ тайны вѣры,

1) Письмо Филарета къ А. В—чу (безъ даты) въ арх. Горскаго.

то съ трепетомъ смотрю на нихъ,—потому, что они созидаютъ вавилонское зданіе, которое разрушится само и въ своихъ развалинахъ погребетъ своихъ зиждителей. Простое ученое знаніе религіи никогда не приведетъ къ истинному образованію христіанина, оно дѣлаетъ исправнымъ, осторожнымъ, внимательнымъ, всѣмъ, чѣмъ угодно, только не истиннымъ христіаниномъ. Объ этомъ я говорю не по умозрѣнію, но по своему опыту. Безъ сомнѣнія, я не могу себя назвать большимъ подвижникомъ учености; но и я не безъ дѣла ученаго. Я глубоко и тонко *выучился* прикрывать всѣ мои недостатки и доказывать мои права на милость Господа, на участіе людей. Но въ самомъ то дѣлѣ не стою ничего. Господи спаси и помилуй. О таинствахъ и о молитвѣ и о жизни я упомянулъ, какъ о единственныхъ средствахъ познанія духа религіи. Вкусите и видите—вотъ способъ знанія христіанской религіи“ ¹⁾). Разъясненія и доводы Филарета, должно быть, подѣйствовали на душу А. В—ча. Онъ созналъ свое заблужденіе и грѣхъ и просилъ Филарета потерпѣть на немъ. Филаретъ былъ растроганъ сердечнымъ признаніемъ своего собесѣдника и на другой день въ слѣдующемъ письмѣ ему пишетъ: „если бы ты, мой другъ, могъ вчера видѣть, какая горячая слеза благодарности къ Господу выпала изъ глазъ моихъ и какимъ утѣшеніемъ было полно сердце мое, что ты слова мои принялъ не какъ поверхностное сужденіе, но какъ плодъ глубокаго (по моимъ силамъ) разсужденія и убѣжденія. А я не только тебя терплю, какъ ты требуешь, но и люблю, и уважаю“ ²⁾). Послѣ такихъ искреннихъ изъясненій въ письмахъ, и тотъ и другой стали какъ то проще и откровеннѣе и въ бесѣдахъ съ глазу на глазъ. Разъ, при свиданіи съ Филаретомъ, А. В—чъ позволилъ собѣ высказаться предъ нимъ на счетъ отношеній его къ ректору Поликарпу. Въ разговорѣ, онъ выставилъ Поликарпа въ довольно непривлекательномъ видѣ и совѣтовалъ Филарету дальше держаться отъ него. Добровольно взятый на себя подвигъ учительства не прошелъ А. В—чу даромъ. Черезъ два дня онъ искренно каялся въ своемъ грѣхѣ Филарету.

¹⁾ Письмо Филарета къ А. В—чу (безъ даты) въ арх. Горскаго.

²⁾ Письмо Филарета къ А. В—чу (безъ даты) въ арх. Горскаго.

„Вотъ уже другое утро, писалъ онъ ему, встрѣчаю я безъ того мира, которымъ надѣляетъ душу увѣренность, что мы не подавали никому никакого повода къ огорченію. Не знаю, — состояніе моего духа — сочувствіе ли Вашему, или нѣтъ: но, какъ бы то ни было, оно тяжело, и въ первомъ случаѣ вдвойнѣ тяжело для меня. Меня почему-то тяготитъ то, что я высказалъ Вамъ въ послѣдній вечеръ, когда былъ у Васъ. — Чѣмъ больше вникаю въ причины, которыя произвели во мнѣ настоящее состояніе духа, тѣмъ яснѣе мнѣ становится, что все неприятное было-бы предотвращено, когда бы поменьше у меня было дерзости разсуждать о такихъ вещахъ, которыхъ и азбуки не знаю, — когда бы я умѣлъ болѣе себѣ разсуждать, нежели другихъ. Сдѣлайте милость, простите моему безумію. Въ Вашемъ прощеніи мнѣ миръ.. Не сочтите моего настоящаго объясненія за мѣру какой-либо политичности. Нѣтъ, повѣрьте мнѣ: мои слова искренни: пишу то, что чувствую и потому, что чувствую“¹⁾. Филаретъ на этомъ же письмѣ обратно писалъ А. В.—чу: „если бы я встревожился словами твоими, раскаяніемъ я загладилъ-бы вину эту. Нѣтъ, я хочу, я ищу людей, которые могли бы мнѣ говорить о мнѣ самомъ. Знаю хотя и немного, что я самъ себя плохо вижу. За что же мнѣ отталкивать добрыхъ людей, которые лучше меня видятъ мое положеніе?... Скажите прямо: я право не знаю, какими словами — думаете Вы—обидѣли меня? Въ чемъ была дерзость“? А. В.—чь успѣшилъ объяснить ее. „Слова, которыми, мнѣ думалось, я могъ огорчить Васъ, писалъ онъ въ слѣдующей запискѣ Филарету, относились къ тому лицу, о которомъ мы говорили. Я откровенно говорилъ Вамъ, какимъ оно представляется моему сердцу, и какое можетъ имѣть вліяніе на Вашу душу обращеніе съ нимъ. Вы сами тогда замѣтили во мнѣ, что въ этомъ случаѣ я невольно пришелъ къ такому результату, котораго не хотѣлъ высказать, но по требованію Вашему сказалъ Вамъ. Я забылъ все, не знаю ничего теперь болѣе и не хочу знать. Да укрѣпитъ Васъ Господь въ Вашихъ чувствахъ относительно того лица. Да будетъ и еще болѣе и болѣе бдѣніе надъ самимъ собою“²⁾. Въ этой же за-

1) Записка А. В.—ча къ Филарету (безъ даты) въ арх. Горскаго.

2) Записка А. В.—ча къ Филарету (безъ даты) въ арх. Горскаго.

пискѣ А. В.—чь спрашивалъ у Филарета: отчего не проходитъ ему даромъ ни одно слово откровенности: когда произноситъ его, чувствуетъ себя послѣ „не въ добромъ положеніи“. Филаретъ тутъ же на ней отвѣчалъ: „это отъ того, что душа Ваша теперь не находитъ себя готовою для того, чтобы наставлять другихъ. И говорить хорошо и молчать хорошо. Каждый выбирай то или другое, смотря по состоянію духа. Если вы положите, что для Васъ лучше молчать: то храните эту заповѣдь свою. Если положите говорить, — говорите, чего бы это ни стоило для Васъ... Думаю, что лучше сперва поучиться самому хорошенько, чѣмъ учить. Если видишь или слышишь, что не хорошо ведетъ себя ближній твой: держи душу свою такъ, что будто ты и не видишь и не слышишь того. Скажи душѣ твоей: почему я знаю душу брата?.. Если впрочемъ ты сильно пожелаешь сказать слово брату близкому къ тебѣ: скажи просто, какъ исторію; не прилагай суда въ душѣ твоей, не позволяй сердцу твоему и уму — прибавлять къ тому, что видишь или слышишь. Богъ судья. Скажи напротивъ душѣ твоей: ну, по худобѣ твоей пусть будетъ такъ, что скажу: но знаю, что не я сдѣлаю пользу, а развѣ Господь; я хуже и грѣшнѣе всѣхъ. Если послѣ того душа твоя почувствуетъ тяготу, открой Господу эту тяготу и тому, кого избереетъ душа твоя. Опасайся держать помыслы на душѣ твоей; они истерзаютъ тебя безъ пользы. Живи душою простою. Пусть сердце твое работаетъ только тогда, когда дѣло идетъ о тебѣ... Смотри на міръ и людей, какъ зритель сторонній.. Не забывай... во всякомъ случаѣ, — что у насъ всего болѣе можетъ грѣшить умъ, потому что онъ у насъ въ силѣ“.

Видно,—совершилось нравственное сліяніе обоихъ, началась дружба самая искренняя, сердечная. Филаретъ раскрылъ себя, какъ сьумѣлъ, предъ А. В.—чемъ и овладѣлъ его душею; а тотъ и самъ не замѣчая, отдался ему. Дальнѣйшая ихъ переписка лишь подтверждаетъ такія предположенія. А. В.—чь, дознавъ духовную опытность своего друга, спѣшитъ пользоваться уроками его практической мудрости, и забрасываетъ его вопросами, касающимися способовъ духовнаго надъ собою дѣланія. Въ одной, напр., запискѣ онъ спрашиваетъ его: какъ пособить совѣсти, чтобы

она могла точнѣе пересказать ему грѣхи свои. Филаретъ на это пишетъ ему: „не знаю самъ, какъ пробудить заглохшую душу мою. Надобно посмотрѣть, какъ добрые люди испытывали свою совѣсть, какъ они разсуждали о томъ или другомъ грѣхѣ, въ какой связи они представляли себѣ рожденіе грѣховныхъ дѣлъ. Не знаю, какъ тебѣ покажется это средство, а мнѣ оно было полезно. Итакъ можете взять въ руки Іоанна Лѣствичника; у него есть исчисленіе грѣховъ въ ихъ связи... Смотря на эти родословныя линіи и память Ваша приведотъ себѣ многое, чего до того времени не вѣдала она, и умъ самъ изъ своей жизни дополнитъ перечень возможныхъ и дѣйствительныхъ грѣховъ. Желая тебѣ, другъ мой, лучше ознакомиться съ душою своею“¹⁾. Въ другой запискѣ А. В.—чь спрашиваетъ Филарета, какъ ему стяжать „простоту души“. Филаретъ отвѣчаетъ ему: „ищите простоту вотъ такъ: дорожите чувствомъ смиренія, питайте чувство раскаянія, возбуждайте чаще воздыханіе о небѣ и укрѣпляйте въ себѣ чувство близости къ намъ благаго Господа. Тогда докучливая пытливость ослабѣетъ въ Васъ. Повѣрьте, другъ мой, что Вамъ очень нужна простота. Я боюсь за Васъ, что пытливость иссушитъ душу Вашу и Вы останетесь весь зоркимъ глазомъ, но глазомъ безжизненнымъ. Положеніе это не хорошо, когда хотятъ только все познавать и мало дѣлаютъ. Правдо, очень пріятно имѣть свѣтлыя мысли, дорога душа близкая къ области ясновидѣнія, душа, которая далеко оставляетъ за собою міръ дѣйствительности не подвижной, грубой, земной, чтобы перейти въ міръ духовный. Но все хорошо въ своей степени. Извѣстное дѣло, что душа не стекло; въ пей должна быть жизнь, которая освѣщаясь проходящимъ сквозь стекло свѣтомъ, должна получать и еще какую нибудь пищу; свѣтомъ сытъ не будешь. Нѣтъ, надобно приводить всю душу въ борьбу, въ движеніе. А это что значить? Это значить, что надобно всего меньше поступать по своей волѣ, всего меньше дѣйствовать такъ, какъ хочется, и всего чаще такъ какъ заставляютъ или какъ не хочется. Самолюбіе—главная причина всѣхъ безпорядковъ въ душѣ нашей; не забравши его въ руки, Вы не успѣете ни въ чемъ должнымъ

¹⁾ Записка Филарета къ А. В. чу (безъ даты) въ арх. Горскаго.

образомъ; оно будетъ портить всё Ваши дѣла... Надобно смотрѣть за собой, не слишкомъ ли укрѣпляется въ насъ этотъ господинъ? Не онъ ли приводитъ въ безпокойное движенію умъ нашъ? Не по его ли распоряженіямъ хотимъ мы давать всему новый видъ и считаемъ все старое плохимъ? Другъ мой! посматривайте на себя чаще съ этой стороны: это пужно, неизбѣжно нужно“ ¹⁾. Еще какъ то разъ, тяготясь своимъ одиночествомъ, А. В.—чѣ жаловался Филарету на то, какъ трудно слѣдить за душою и, вообще, содѣвать свое спасеніе. Филаретъ указываетъ ему на необходимость того и другого. „Кто ищетъ спасенія,—пишетъ онъ ему,—тотъ вѣрно найдетъ его. Не тяготитесь одиночествомъ души. Не тяготитесь самою тяжестью. И одиночество и тяжесть—самыя нужныя вещи. Надобно, чтобы душа лучше ознакомилась сама съ собой, съ своими расположеніями, съ своими привычками. Одиночество лучшее дѣло въ дѣлѣ самопознанія. Одному съ собой заниматься, одному на себя посматрѣть—просторъ! Если нужно совѣтоваться и съ другимъ: то не прежде, какъ самъ осмотришь себя. Замѣчанія другаго будутъ служить повѣркою моихъ собственныхъ. Замѣчанія другаго, но сопровождаемыя предшествующими собственными моими замѣчаніями, могутъ даже повредить вѣрному понятію о мнѣ самомъ. Но когда ознакомлюсь я одинъ съ собою, высмотрю самымъ зоркимъ глазомъ мою внутренность, обреку себя на самое тяжкое бореніе чувствъ и мыслей—какъ на средство визнавать таящіяся въ глубинѣ души дурныя и добрыя расположенія: послѣ того могу обратиться и къ другому. Тогда я долженъ это сдѣлать; долженъ потому, иначе можетъ меня обмануть во многомъ мое самолюбіе, которое любитъ выставить меня въ лучшемъ видѣ. Впрочемъ я говорю объ одиноществѣ Вашемъ, которому Вы пособить не умѣете. Согласенъ, что можно было бы совмѣщать одиночество съ дружбою: но Вы говорите, что не находите дружбы во всѣмъ ея истомъ видѣ. Пользуйся же, другъ мой, возможнымъ для тебя. Что-жъ дѣлать съ обстоятельствами? Будемъ молиться, и они обратятся въ нашу пользу. Ты согласишься, что я не могу не доро-

¹⁾ Зипска Филарета къ А. В.—чу (безъ даты) въ арх. Горскаго.

жить душою своею. И потому не смѣю отказываться отъ близкой связи съ нею... При этомъ опять повторю о нуждѣ и пользѣ одиночества. Всему время. Въ природѣ есть періоды времени, періоды возрастанія, періоды обращенія жизни. Есть также періоды въ жизни нравственной; послѣдніе слѣдуютъ также одинъ за другимъ съ извѣстною преемственностію; преемственность эта довольно строга, такъ что если Вы захотите поставить лѣто впереди весны, или начать весну въ зимнее время,—опасайтесь бѣды. Дѣло спасенія начинается въ насъ зимою, именно сокрушеніемъ сердечнымъ, крѣпкимъ самопогруженіемъ и стѣсненіемъ воли, мыслей и чувствъ. Думаю, что это тебѣ извѣстно¹⁾. Особенно важно въ этомъ длинномъ письмѣ то, что оба они, и Филаретъ и А. В-чъ, договорились таки до своихъ взаимныхъ симпатій, которыя до того скрыто лишь таились у каждаго въ душѣ. Дружба была такимъ образомъ открыто засвидѣтельствована. Филаретъ теперь и самъ обращается къ А. В-чу, предупредительно слѣдитъ за состояніемъ его духа. „Какова душа твоя?—справляется у него онъ. Покойна ли она? Или уже слишкомъ обременилась дѣлами? Воздыхай изъ подъ тяжестей земныхъ о небѣ. Знаете ли другъ мой? Иногда бываетъ и полезно томиться подъ кучею хлама земнаго; полезно потому, что высокопарный, гордый, мечтательный духъ неволью смиряется, неволью приходитъ къ мысли о своей бѣдности и какъ запертой воздухъ сильнѣе рвется сквозь ущелья къ небу. Такъ, другъ мой! надобно только не забывать, что живемъ мы на землѣ для неба. Надобно только помнить, что душа должна когда нибудь дать отчетъ въ жизни. Тогда хорошо будетъ“²⁾. Тотъ же дружескій характеръ стали носить теперь и внѣшнія отношенія обоихъ. Бывало, Филаретъ придетъ къ А. В-чу и сицтъ у него за бесѣдой; а то и просто лежатъ на стоявшей подлѣ кровати А. В-ча³⁾. Самъ А. В-чъ въ это время ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ,—стремительно и бы-

1) Записка Филарета къ А. В-чу (безъ даты) въ арх. Горскаго.

2) Записка Филарета къ А. В-чу (безъ даты) въ арх. Горскаго.

3) Письма Филарета къ А. В-чу отъ 26 янв. 1842 г. и 6 авг. 1843 г., въ прибавл. XXXI, 237; XXXIII, 604.

стро, особенно, когда идетъ жаркій разговоръ ¹⁾. Темы больше научныя преимущественно изъ области любимой обоими церковной исторіи. Часто брали изъ библіотеки старинныя рукописи и читали ихъ вмѣстѣ, а потомъ тутъ же и разбирали ихъ сообща ²⁾. Ходилъ и А. В-чъ къ Филарету на такія „посидки“; и тамъ опять тѣже ученые бесѣды. А то забирались оба въ библіотеку: по домашнему бывало раздѣлится тамъ и копаются въ книгахъ чуть не до ночи. Гдѣ больнымъ ногамъ Филарета не подъ силу подняться куда нибудь на верхнюю полку шкафа, поможетъ услужливый А. В-чъ и самъ достанетъ ему нужную книгу ³⁾. Приходилось имъ заниматься такъ и въ Лаврской библіотекѣ, и въ другихъ. Филаретъ послѣ, когда былъ уже на епархіи, часто вспоминалъ объ этомъ привольѣ. Любили оба также провести вмѣстѣ время предъ какимъ либо годовымъ праздникомъ. Наступаетъ, напр., свѣтлый день, — наканунѣ позднимъ вечеромъ идетъ А. В-чъ къ Филарету или тотъ къ нему, и за благочестивыми бесѣдами готовятся къ встрѣчѣ праздника ⁴⁾. Въ 1839 г., когда въ Академіи перестраивали главный корпусъ, въ которомъ имѣлъ квартиру А. В-чъ, онъ долгое время даже и жилъ у Филарета, въ его ректорскихъ покояхъ ⁵⁾. Для Филарета А. В-чъ былъ не только другомъ, но и въ дѣлахъ управленія самымъ полезнымъ человѣкомъ. Какъ секретарь правленія, онъ являлся незамѣнимымъ для него. Съ лѣта 1841 года и до середины осени Филаретъ былъ въ разъѣздахъ: то на ревизіи Пензенской и Тамбовской семинарій, то на судебномъ слѣдствіи въ Симбирской. А. В-чъ болѣе важныя дѣла правленія всѣ до одного обязательно пересылалъ ему туда. Филаретъ, однажды, даже упрекнулъ его за такое

¹⁾ Письмо къ А. В-чу Н. К. Соколова отъ 6 сент. 1861 г., въ арх. Горскаго.

²⁾ Письмо Филарета къ А. В-чу отъ 26 мая 1846 г., въ Прибавл. XXXVI, 132.

³⁾ Письмо Филарета къ А. В-чу отъ 19 янв. 1842 г., въ Прибавл. XXXI, 232.

⁴⁾ Письмо Филарета къ А. В-чу отъ 15 апр. 1842 г., въ Прибавл. XXXI, 256.

⁵⁾ Письмо Филарета къ А. В-чу отъ 4 іюля 1840 г., въ Прибавл. XXXI, 201.

одоженіе. Вы присыласте, писалъ онъ ему; изъ своей дали, — новыхъ дѣлъ: съ кѣмъ же буду дѣлать? Подумайте и пожалѣйте о моемъ положеніи“ ¹⁾). Нѣкоторыя дѣла Филаретъ не рѣшался вершить безъ совѣта съ А. В-чемъ и присылалъ ему ихъ обратно. Въ одномъ письмѣ изъ Симбирска онъ пишетъ ему: „препровожаю дѣла. Читайте пока, чтобы по приѣздѣ можно было вмѣстѣ кое-о чемъ подумать и поговорить ²⁾). А другія и прямо возлагалъ на А. В-ча ³⁾). Когда Филаретъ былъ назначенъ епископомъ въ Ригу, А. В-чъ привелъ за него всѣ дѣла въ надлежащій порядокъ и сдѣлалъ все для сдачи Академіи ⁴⁾). Онъ же тогда собралъ и отправилъ его въ путь ⁵⁾). Послѣ Филаретъ былъ весьма ему признателенъ за это. Во время служенія его на разныхъ епархіяхъ, когда онъ писалъ свое „историческое ученіе объ отцахъ церкви“ и свою „исторію Русской церкви“, А. В-чъ оказалъ ему тоже не мало большихъ услугъ. Почти всѣ его письма оттуда переполнены такими къ А. В-чу просьбами: „справься... въ такой то книгѣ, и напиши, что найдешь“, „напиши по болѣе въ отвѣтъ на каждый вопросъ“, многого жду я отъ твоей помощи. Утоли жажду души, помощи въ нуждѣ“;—или такими благодарностями; „за Θεодора Эдесскаго очень благодаренъ. Ожидаю окончанія“, „какъ томимый голодомъ, напалъ я на твои замѣчанія и все принялъ къ сердцу“, „извѣстія твои съ жадностію читаю. Такъ много въ нихъ пищи для меня“, „я читаю и перечитываю твои письма и пользуюсь ими для своего дѣла“ ⁶⁾). Приходилось А. В-чу и нравственно воздѣйствовать на Филарета. Филарету жилось не легко на чужой сторонѣ, особенно въ Ригѣ: непріятности то по части служенія, то по изданію сочиненій слѣдовали для него одна

¹⁾ Письмо Филарета къ А. В-чу отъ 8 окт. 1841 г., въ Прибавл. XXXI, 215.

²⁾ Письмо Филарета отъ 30 окт. 1841 г., тамъ же 221.

³⁾ Письмо Филарета отъ 8 окт. 1841 г., тамъ же 216.

⁴⁾ Письмо Филарета къ А. В-чу отъ 28 окт. 1841 г., въ Прибавл. XXXI, 220.

⁵⁾ Письмо Филарета 30 окт. 1841 г., тамъ же, 221.

⁶⁾ Письма Филарета къ А. В-чу отъ 18 сент. 1841 г., 19 янв. 1842., 4 февр. 1842 г., 27 февр. 1842. въ Прибавл. XXXI, 209, 232, 238, 239, 241 и 246.

за другой. А. В—чь входилъ въ положеніе Филарета и, какъ умѣлъ, помогаль ему. Соскучится, напр., по родной Академіи Филаретъ, или заработается надъ сочиненіемъ,—глядишь, ко времени А. В—чь и шлетъ ему свое письмо; Филаретъ развлечется, душою отдохнетъ, а потомъ напишетъ ему въ письмѣ такую, напр., благодарность: „отъ души благодарю Васъ за письмо Ваше. Оно—утѣшеніе и отдыхъ для меня теперъ. Здѣсь дѣлать такъ много и они такъ интересны, что для малодушія моего пужно отдохновеніе“, или: „Вы утѣшаете меня своими письмами. Здѣсь живу я въ такой глуши, что голосъ изъ родной Лавры для меня очень дорогъ“¹⁾). На письма онъ иногда и прямо предъявлялъ свои требованія А. В—чу. „Напишите мнѣ обо всемъ Академическомъ, пишите больше, больше. Здѣсь тяжело, сыро, душно, холодно“²⁾), вотъ такъ онъ просилъ, бывало, А. В—ча. Часто, впрочемъ, онъ и самъ чувствовалъ потребность излиться въ письмѣ къ А. В—чу. Многія его письма къ нему начинаются съ такихъ предисловій: „Я ищу тебя въ Костромѣ. Хочется поговорить съ тобою“, пишу, чтобы облегчить душу въ бесѣдѣ съ душою твоею“³⁾). Въ трудныхъ обстоятельствахъ А. В—чь былъ прямо необходимъ Филарету, чтобы то — подать ему „душевный совѣтъ“, то сказать свое „искреннее слово, что дѣлать“ ему⁴⁾). И А. В—чь всегда спѣшилъ къ нему на помощь. Да и самъ онъ часто предупреждалъ такія просьбы Филарета. Въ письмахъ онъ не разъ, бывало, справлялся на счетъ его душевнаго состоянія, каково оно⁵⁾). А если самъ увидить изъ письма Филарета что-нибудь ненормальное въ немъ, сейчасъ напишетъ къ нему и, какъ рукой, все сгладить на душѣ. Бывали случаи, когда Филаретъ, говоря о чемъ нибудь, раздражался или слишкомъ далеко заходилъ, А.

1) Письма Филарета А. В—чу отъ 8 и 18 окт. 1841; въ Прибавл. XXI, 213 и 21 .

2) Письма Филарета къ А. В—чу отъ 1 окт. 1841 г. и отъ 10 окт. 1844 г., въ Прибавл. XXXI, 212, XXXIII 642.

3) Письма Филарета къ А. В—чу отъ 22 дек. 1841 г. и 11 дек. 1842 г., въ Прибавл. XXXI, 229 и 242.

4) Письма Филарета къ А. В—чу отъ 23 апрѣля 1842 г. и 14 апр. 1844 г., въ Прибавл. XXXI, 260 и XXXIII, 622.

5) Письмо Филарета къ А. В—чу отъ 6 апр. 1844 г., въ Прибавл. XXXIII, 619.

В—чь сдерживалъ его, успокоивалъ или вразумлялъ. Филаретъ всегда выслушивалъ правдивыя рѣчи А. В—ча и благодарилъ его за нихъ ¹⁾ Онъ разъ даже признавался А. В—чу въ томъ, что „искреннее слово, искренній упрекъ въ ошибкахъ и слабостяхъ, его слово любви потрясало ему всю душу“ ²⁾. Такая, почти идеальная, дружба соединяла обоихъ во все время до самой кончины Филарета (1866 г.). Послѣднія его два-три письма къ А. В—чу, правда, какъ будто наводятъ нѣкоторую тѣнь на ихъ отношенія. Въ одномъ Филаретъ, напр., А. В—чу пишетъ: „такъ далеко отъ меня все, что около меня. Прежде больше слыхалъ я и отъ Васъ и отъ другихъ. Теперь же остаюсь будто одинокій. Прежде разговоры другихъ, встрѣчавшихся со мной, были свободны. А нынѣ и тамъ, гдѣ самому приходится что нибудь замѣтить, скрываютъ замѣченное отъ меня. Если случится что-либо услышать, то это полуслова, полумысли, изъ которыхъ съ трудомъ выводимъ заключеніе. Положеніе нерадостное. Не приложи, однако, другъ мой, всего къ себѣ, хотя и то представлялось мнѣ, что и ты несвободно, не съ открытою душею во всѣхъ случаяхъ бываешь въ отношеніи ко мнѣ. Не знаю, чему отнести все это. Тому ли, что слишкомъ худъ и гордъ сталъ я, или чему другому. Во всякомъ случаѣ радоваться такому положенію нѣтъ охоты“ ³⁾. Другое, послѣднее, письмо Филаретъ начинаетъ такимъ привѣтствіемъ: „Господь мира да будетъ съ нами нынѣ и всегда“, и почему-то особенно далѣе старается убѣдить А. В—ча, что онъ и сейчасъ остается все такимъ же, какимъ былъ и прежде ⁴⁾.—По нашему мнѣнію, Филаретъ просто не умѣлъ объяснить себѣ причины, почему А. В—чь (вслѣдствіе множества у него дѣлъ съ принятіемъ имъ на себя ректорства въ Академіи) въ послѣднее время сталъ рѣже и меньше къ нему писать и думалъ при мнительности своей, что А. В—чь его забываетъ. По крайней мѣрѣ,

¹⁾ Письмо Филарета къ А. В—чу отъ 30 іюня, 1848 г. въ Прибавл. XXXVI 140.

²⁾ Письма Филарета А. В—чу отъ 25 окт. 1841 г., въ Прибавл. XXXI, 220.

³⁾ Письмо Филарета къ А. В—чу отъ 20 іюня 1865 г., въ Прибавл. XXXVI, 475.

⁴⁾ Письмо Филарета къ А. В—чу отъ 5 сент. 1865 г., тамъ же, 478.

А. В—чь до самой смерти Филарета былъ одинаково искренно расположенъ къ нему.

Былъ въ Академіи у А. В—ча, въ первую также пору службы его при ней, и еще одинъ близкій къ нему чело­вѣкъ, котораго онъ любилъ и уважалъ, — Евсевій Орлин­скій. Онъ былъ товарищемъ А. В—ча еще по Академіи. За нѣсколько мѣсяцевъ до выхода изъ нея, Евсевій Поли­карповичъ Орлинскій былъ постриженъ въ монашество съ именемъ Евсевія; а по окончаніи курса опредѣленъ инспек­торомъ и профессоромъ церковной исторіи и греческаго языка въ Виѳанскую семинарію. Въ 1834 г. перемѣщенъ на должность инспектора въ Московскую семинарію. Въ августѣ 1838 г. назначенъ инспекторомъ въ Московскую Ака­демію и въ октябрѣ этого года произведенъ въ архимандрита. Въ ноябрѣ 1841 года опредѣленъ ректоромъ Акаде­міи, каковымъ и оставался до 1847 года, когда былъ пере­веденъ на ту же должность въ С.-Петербургскую Академію и рукоположенъ во епископа (Винницкаго, викарія Подоль­скаго). Послѣ, поочередно онъ былъ на Самарской, Иркут­ской и Могилевской епархіямъ. Умеръ въ санѣ архіепископа въ 1883 году ¹⁾.

Евсевій былъ чело­вѣкъ нѣсколько въ другомъ родѣ, чѣмъ Филаретъ. Не имѣя отличающихъ его способностей и та­кихъ обширныхъ познаній, какія были у Филарета, онъ тѣмъ не менѣ такъ велъ свое дѣло, что гдѣ бы онъ ни служилъ,—вездѣ оставлялъ по себѣ добрую память ²⁾.

Что собственно располагало и привязывало къ нему А. В—ча,—трудно сказать. Не это ли его невозмутимое спокойствіе, обхожденіе съ людьми, свидѣтельствующее до нѣкоторой степени о житейской его опытности? Какъ бы то ни было, — ихъ связи начинаются съ академической скамьи. Подъ 25 марта 1832 года,—когда А. В—чь былъ еще студентомъ, въ дневникѣ его записано: „послѣ обѣда было у Евѳима Поликарповича; занимался чтеніемъ полемики архимандрита Пинногентія (знаменитаго впоследствии архіепископа Херсонскаго); пилъ чай; читали съ деклама-

¹⁾ У С. К. Смирнова, стр. 380 и 426.

²⁾ См. письмо Евсевія къ А. В—чу отъ 27 февр., 8 апр. и 15 іюня 1847 г., въ Прибавл. XXXII, 701, 707 и 730.

дѣй проповѣди студентовъ; дѣлали другъ другу замѣчанія на счетъ произношенія. Ему не нравится моя неровность въ повышеніи и пониженіи голоса; сдѣлалъ онъ мнѣ замѣчаніе на счетъ самыхъ моихъ проповѣдей, что онѣ, будучи исполнены болѣе чувства, мало имѣють основательности, что произношеніе послѣдней моей проповѣди пререкается мнѣніями товарищей. Разстались“... „Послѣ ужина былъ у Евѳима П—ча и читалъ проповѣдь о. Филарета (Гумилевскаго), довольно пышную, мало назидательную, не живую и не мертвую, не холодную и не горячую. Это что называется ни тепла, ни студена,—имамъ излѣвати тя.— Тутъ же случилось, что когда Андрей Ивановичъ (Смѣловскій, товарищ А. В—ча) пришелъ объявить мнѣ, что о. инспекторъ назначаетъ мнѣ вмѣсто краткаго обзора сдѣлать подробное изъясненіе на 6 главъ Даниїла, я высказалъ свою досаду. Здѣсь Евѳимъ Поликарповичъ тихо, кротко, шутя, съ добрымъ сердцемъ упрекалъ меня нетерпѣніемъ, убѣждая отвлекать отъ онаго примѣромъ людей вспыльчивыхъ и во время вспыльчивости много дѣлающихъ худаго“¹⁾. Послѣ годичнаго перерыва, когда А. В—чу пришлось служить въ Москвѣ, сношенія ихъ возобновляются опять. Въ мартѣ 1834 г. А. В—чъ въ дневникѣ пишетъ: „бывши въ Виоаніи на именинахъ у Ив. Степ. Маргаритова, а до гостей еще у о. Евсевія (оба, и Маргаритовъ и Евсевій, въ то время были профессорами въ Семинаріи), наговорилъ и надѣлалъ какихъ то глупостей; потомъ мнѣ мой другъ, прощаясь, замѣтилъ, сказавъ: „будь добрѣе!“ Слова его запали въ мое сердце, заставили меня подумать о себѣ“²⁾. На этотъ годъ и падаетъ самая лучшая пора ихъ дружбы, разцвѣтъ ея. А. В—чъ отдался въ полное распоряженіе своему другу и даже просилъ его руководить имъ. „Не богатый и безъ того силою самостоятельнаго размышленія,—разъ какъ-то писалъ онъ ему,—долженъ каждый шагъ дѣлать за кѣмъ-нибудь другимъ, и легковѣріемъ страшусь увлекаться за добрыми и не добрыми водителями. Не оставляйте меня Валшею любовію, управляйте моею душею и руками. Одинъ путаюсь

¹⁾ Прибавл., XXXIV, 93—94 стр.

²⁾ Прибавл., XXXIV, 107.

непрестанно“¹⁾. Послѣ этого сношенія ихъ, по крайней мѣрѣ, письменныя, уже не прерывались, и когда Евсевій былъ инспекторомъ въ Москвѣ и когда изъ московской академіи перешель въ С.-Петербургскую.

Отъ этого послѣдняго времени сохранилась до насъ довольно обширная переписка²⁾. На основаніи ея и можно кое-что сказать къ характеристикѣ взаимныхъ ихъ отношеній. Въ перепискѣ кидаются въ глаза, прежде всего, разныя послуги А. В—ча. И здѣсь онъ является тѣмъ же „всѣмъ и вся“, какъ и въ письмахъ Филарета. „Дайте Вашъ совѣтъ“, „помогите“, „укажите“, обращенные къ нему, встрѣчаются и тутъ на каждомъ шагу³⁾. А. В—чь, по обыкновенію, съ охотой откликался на эти просьбы: то собиралъ по своимъ знакомымъ пожертвованія на застроенный Евсевіемъ на родинѣ храмъ, то составлялъ по каталогамъ реестръ книгъ для пополненія опустѣвшей за протасовское въ Синодѣ время академической библіотеки, слалъ Евсевію свои записки, по которымъ тотъ читалъ потомъ студентамъ лекціи⁴⁾. Записки требовалось списать и переслать такъ, чтобы никто не догадался, что и для чего это дѣлается. А. В—чь, щадя чужое самолюбіе. даже и это исполнялъ въ точности. Въ 1848 году, когда академическое, въ Петербургѣ, изданіе готово было, за недостаткомъ матеріала и сотрудниковъ, прекратиться, А. В—чь выручилъ изъ затрудненія завѣдовавшаго имъ Евсевія и писалъ для журнала статью: „Краткая исторія собора Константинопольскаго III-го, вселенскаго VI“, которая затѣмъ и печаталась въ немъ въ четырехъ подъярдъ квижкахъ⁵⁾.

Въ 1847 году съ Евсевіемъ вышелъ такой случай. Послѣ ревизіи Академіи петербургскій м. Антоній предложилъ Св. Синоду возвести Евсевія и инспектора Академіи архим. Макарія (Булгакова) на степень докторовъ и какъ то неосторожно проговорился о своемъ предложеніи на сторонѣ.

1) Записка А. В—ча къ Евсевію (безъ даты), въ арх. Горскаго.

2) Письма Евсевія помѣщены въ Прибавл. XXXVII, 699—855.

3) Письма Евсевія къ А. В—чу отъ 8 апр., 12 мая, 10 іюня 1847 г. и 20 авг. 1848 г., стр. 708, 719, 723, 800.

4) Письма Евсевія къ А. В—чу отъ 8 апр. 12 мая 1847 и 25 янв. 1848 г. стр. 708, 717 и 765.

5) См. письма Евсевія А. В—чу отъ 12 янв. 1848 г. стр. 760.

Въ образованномъ петербургскомъ кругу объ этомъ пошла молва и разные толки. Знакомые уже начали поздравлять Евсевія съ полученіемъ высшей ученой степени. Проходитъ не мало времени,—Евсевій томился и ждалъ. И вдругъ Синодъ даетъ степень одному только Макарію. Самолюбіе Евсевія было крайне уязвлено. Кажется, кто бы рѣшился послѣ этого заговорить съ нимъ объ этой непріятной исторіи. А у А. В—ча хватило духу заговорить и помочь другу въ его горѣ. Вскорѣ онъ пишетъ Евсевію одно за другимъ письмо, осторожно подходитъ къ большому его мѣсту, раскрываетъ всю гнусность помѣшавшихъ ему людей, разъясняетъ настоящее значеніе обѣщанной было награды, незаметно, мало-по-малу успокоиваетъ, такимъ образомъ, его. И Евсевій благодушно переноситъ свое искушеніе ¹⁾. Правда, Евсевій рѣже Филарета прибѣгалъ за помощію къ А. В—чу; но за то услуги ему А. В—ча несравненно большей нравственной цѣны. Самое обращеніе обоихъ носитъ на себѣ характеръ скорѣе товарищескій, къ которому люди привыкають еще на школьныхъ скамьяхъ. Это особенно примѣтно, когда сличаешь переписки съ А. В—чемъ и Евсевія и Филарета. Въ письмахъ Филарета никогда, напр., не встрѣчается такихъ мѣстъ: „дивитесь Вы, почему страшаетъ меня отношеніе къ заведеніямъ ²⁾? А я немного дивлюсь, какъ Вамъ не представляется очевидною трудность сего дѣла“; ³⁾ или: „не думайте, что и Вамъ много говорю о своихъ обстоятельствахъ (о множествѣ дѣлъ): кажется, очень мало! Причины знаете, почему такъ.— Приѣзжайте въ С.-Петербургъ, скажу!“ ⁴⁾, еще: „до того ли мнѣ, чтобы собирать новости (въ Синодѣ, о чемъ должно быть просилъ А. В—чъ)? Для этого, знаете, что нужно? Имѣть знакомаго изъ придворныхъ, да любящаго новости и могущаго знать ихъ, и чаще посѣщать его или къ себѣ принимать, нужно шататься по канцеляріямъ Св. Синода и Духовнаго Учебнаго Управленія и т. д. А та-

¹⁾ Письмо Евсевія отъ 11 ноября 1847 г., стр. 748.

²⁾ —къ свѣтскимъ учебнымъ заведеніямъ въ Петербургѣ, въ которыхъ Евсевію былъ порученъ высшій надзоръ за преподаваніемъ Закона Божія.

³⁾ Письмо Евсевія А. В—чу отъ 25 мар. 1847 г., стр. 704.

⁴⁾ Письмо Евсевія—отъ 8 апр. 1847 г., стр. 708.

ково ли мое положеніе“ ¹⁾). Такъ говорятъ другъ съ другомъ только товарищи. Правда, въ первое время, когда Евсеvій былъ переведенъ въ Петербургъ и рукоположенъ во епископа, А. В—чь попытался измѣнить свои отношенія къ нему, сталъ писать къ нему въ изысканно-вѣжливымъ, почти оффиціальномъ тонѣ; но Евсеvій тогда сразу остановилъ его ²⁾). О товарищескихъ отношеніяхъ А. В—ча къ Евсеvію можетъ свидѣтельствовать также и то, что онъ открывался ему и говорилъ о такихъ вещахъ, о которыхъ по болѣзни ли осужденія за нихъ или по чему другому, — не рѣшался говорить съ Филаретомъ. Разумѣемъ впрочемъ А. В—ча о жепитьбѣ по поводу предсмертнаго къ нему письма брата. Евсеvію онъ дѣликомъ передалъ содержаніе этого письма и даже просилъ у него себѣ наставленія и совѣта ³⁾, а предъ Филаретомъ не обмолвился ни единымъ словомъ о немъ. Петербургская переписка Евсеvія съ А. В—чемъ кончается ноябремъ 1850 года, когда онъ получилъ назначеніе на Самарскую епархію. Дружественныя письменныя сношенія Евсеvія съ Ал. В—чемъ повидимому не прерывались до самой кончины послѣдняго. Сохранился рядъ писемъ къ А. В—чу Евсеvія уже архіепископа Могилевскаго, причемъ послѣднія изъ этихъ писемъ относятся къ 1873 году.

Раньше всѣхъ, раньше Филарета съ Евсеvіемъ, А. В—чь былъ знакомъ съ Θεодоромъ Александровичемъ Голубинскимъ. Къ нему онъ дѣлалъ первый шагъ въ Академіи по рекомендательному письму отца. Такъ рано начавшееся знакомство съ нимъ не прерывалось до самой смерти его въ 1854 году. Мы видѣли въ какія отношенія на первыхъ порахъ сталъ къ нему А. В—чь. Тѣмъ же характеромъ отличались они и во все послѣдующее время. А. В—чь былъ уже профессоромъ, почти состарился на службѣ, а все-таки и тогда не могъ забыть благодѣяній, какія оказалъ ему когда-то, во время студенчества Θεодоръ Александровичъ. Полтора десятка лѣтъ прошли а въ письмахъ къ нему онъ все еще оставался „съ сыновымъ почте-

¹⁾ Письмо Евсеvія къ А. В—чу отъ 30 мар. 1849 г. стр. 821.

²⁾ Письмо Евсеvія—отъ 8 апр. 1847 г. стр. 708.

³⁾ Письмо Евсеvія—отъ 10 апр. 1847 г. стр. 734.

ніемъ и любовію“ къ нему ¹⁾). Слишкомъ живая, въ свое время, должно быть, сильно засѣвшая въ голову память о немъ, какъ о мудромъ своемъ учителѣ, привѣщала въ эту почтительность къ нему элементъ какой-то благоговѣйной робости, чуть ли не страха; отчего она у А. В.—ча всегда и отзывалась чѣмъ-то школьнымъ, ученическимъ. Къ концу сороковыхъ годовъ, въ теченіи семнадцати лѣтъ совмѣстной въ Академіи службы, должны бы, кажется, установиться пріятельскія отношенія у нихъ: а А. В.—чѣ, напр., въ случаѣ надобностей не приходитъ къ нему, а какъ ученикъ къ учителю, все еще „является къ нему, когда тотъ благоволитъ назначить время“ на то ²⁾). все еще обращается къ нему: „Ваше Высокопреподобіе“; и все еще пребыть къ нему всепокорнѣйшимъ слугою „имѣетъ счастье“ ³⁾). Видно, какъ привыкъ А. В.—чѣ титуловать благодѣтеля своего, будучи еще студентомъ, такъ и не отсталъ отъ привычки по крайней мѣрѣ на бумагѣ. — Къ этой парѣ, А. В.—чу и О. А.—чу, примкнулъ еще впоследствии Петръ Спиридоновичъ Делицынъ, и они вмѣстѣ втроемъ составили изъ себя одинъ, тѣсно сплоченный кружокъ. Онъ такъ пораздѣльно и мыслился въ представленіи знавшихъ его людей. Пужно кому-нибудь бывало послать привѣтствіе или поклонъ хотя А. В.—чу, привѣтствовали и кланялись за разъ ужъ и обоимъ другимъ: О. А.—чу и П. С.—чу ⁴⁾). Троицу эту такъ всѣ и звали—ученое братство, академическое братство, академическое общество. Всю Академію воплощали въ этихъ трехъ лицахъ. А относились къ нимъ съ величайшимъ уваженіемъ и отзывались о нихъ съ откровенною похвалою. „Храню въ сердцѣ, писалъ А. В.—чу одинъ знакомый его,—какъ одно изъ самыхъ сладкихъ воспоминаній недавняго странствія. память о пребываніи моемъ подъ Вашимъ дружелюбнымъ кровомъ, въ Вашемъ братствѣ, свя-

1) Письмо А. В.—ча къ О. А.—чу отъ 29 іюня 1843 г., у Д. О. Голубинскаго.

2) Письмо А. В.—ча къ О. А.—чу отъ 12 мая 1844 г., у Д. О. Голубинскаго.

3) Письмо А. В.—ча къ О. А.—чу отъ 8 апр. 1847 г., у Д. О. Голубинскаго.

4) См. письма Филарета къ А. В.—чу (въ Прибавл. XXXI, XXXIII, XXXVI) и Евсевія.

зуюмомъ союзомъ любви и рѣдкаго согласія; одного желаю, чтобы мнѣ хоть еще разъ привелось свидѣться и насладиться бесѣдою съ особами, почтившими меня дружескимъ вниманіемъ и глубоко многуважаемымъ“¹⁾). Это писалъ одинъ; а вотъ какъ пишетъ другой: „любовь не сдѣлала и меня лишнимъ въ Вашемъ Академическомъ обществѣ. Ласки и радушіе П. Спиридоновича и Ѳ. А—ча, совсѣмъ не равныхъ мнѣ, служатъ для меня пріятнѣйшею наградою за то уваженіе, которое я постоянно имѣлъ къ ихъ достоинству и заслугамъ“²⁾). Удивляешься, какъ только могла сойтись такіе разнородные характеры; и благовѣешь предъ ними, какъ скоро видишь, что сошлись.

Остальная академическая братія была для А. В—ча не болѣе, какъ сослуживцы. Съ нею особенной дружбы онъ не водилъ; впрочемъ, и не отдалялся отъ нея. Особое положеніе его у ректоровъ (Филарета, Евсевія и другихъ), близость къ митрополиту, участіе въ цензурномъ и редакціонномъ комитетѣхъ, наконецъ, обширная эрудиція, все это неизбѣжно сталкивало и ставило его въ отношенія къ ней, хотя по большей части только дѣловыя. Передать кому изъ профессоровъ распоряженіе ректора или приказаніе митрополита, переговорить или объясниться за нихъ предъ тѣмъ и другимъ по части службы, уроковъ, письменныхъ работъ, пропустить чрезъ цензуру чью-либо статью или книгу, сходить съ кѣмъ въ бібліотеку, послужить кому своими энциклопедическими познаніями,—вездѣ и на все А. В—чѣ. За то любили и уважали его профессора, за то онъ и былъ среди нихъ главаремъ. Бывало, какое ни затѣется среди нихъ общее дѣло, впереди всѣхъ обязательно А. В—чѣ;—онъ укажетъ ему должное направленіе, оформитъ, какъ слѣдуетъ, его, слѣдитъ за его теченіемъ. Это—по части оффиціальной и въ дѣлахъ болѣе или менѣе важныхъ; по то же и въ мелкихъ домашнихъ не дѣлахъ, а дѣлишкахъ.—Нужно озаботиться кому-нибудь въ началѣ года профессорской читальней: берется за это А. В—чѣ. Онъ

¹⁾ Письмо къ А. В—чу іеродіакона Налладія Касарова отъ 4 ноября 1847 г., въ арх. Горскаго.

²⁾ Письмо къ А. В—чу священника В. С. Пономарева отъ 28 ноября 1844 г., въ арх. Горскаго.

укажетъ, какіе выписать журналы и газеты, отбереть на это у профессоровъ голоса, получить съ нихъ деньги, сколько по его разсчету придется, и выпишетъ изъ редакцій, что нужно, а потомъ самъ и наблюдаетъ за читальней и порядками въ ней ¹⁾. Можетъ быть всеми такими услугами профессорамъ поддерживалось и то нравственное вліяніе, которое онъ, говорятъ, всегда оказывалъ на нихъ ²⁾.

(Продолженіе слѣдуетъ).

С. Поповъ.

¹⁾ Въ архивѣ А. В.—ча мы видѣли его записку съ приглашеніемъ къ профессорамъ—обозначить свою фамилію каждому желающему пользоваться журналами изъ читальни: а сейчасъ предъ нами собственноручная его записъ сроковъ, въ какіе профессорами были взяты и возвращены журналы.

²⁾ См. записку ректора Филарета (безъ даты) въ арх. Горскаго. „На тебѣ важная лежитъ отвѣтственность за направленіе цѣлой Академіи. Твое вліяніе должно быть сильнѣе всѣхъ, потому что ты сильнѣе всѣхъ до одного изъ насъ (я никому не люблю льстить, а тебѣ и нѣтъ нужды)“.